

В путь не испытанный до того россиянами

Во имя России. (Путевой дневник Ивана Крузенштерна)

Наверно, в каждом доме есть дорогие сердцу семейные реликвии. Какое счастье, что в нашем архиве в одном из столов папиного кабинета бережно хранится несколько пожелтевших листов из дневника нашего дальнего родственника Ивана Фёдоровича Крузенштерна, русского мореплавателя, возглавившего в 1803—1806 годах первое русское кругосветное плавание.

23 июля 1803 г.

Сегодня днём я простился с женой, а это значит, что мы готовы отправляться. За последние две недели погода испортилась, поэтому наше отправление задерживается. Помимо прочего, почти каждый день на борт поступает товар, а ведь мы ещё не добрались до Копенгагена, в котором придётся дозагрузиться!

Из-за мне придётся делить каюту с Резановым. Он представляется мне человеком надменным и своенравным, и я бы не дал ему таких полномочий, которыми наделил его Император. Это было его решение, которое оспаривать я не решился в благодарность за то, что эта экспедиция состоялась.

Четыре года назад я впервые представил проект Российско-Американской компании, и лишь Александр I им заинтересовался. Неужели все остальные действительно не понимают открывающихся перед Россией грандиозных перспектив! Развитие судоходства в Тихом океане позволит торговать и налаживать отношения практически со всем миром! Но своим невежественным равнодушием эти недалёковидные люди однажды могут погубить наше Отечество. Чего только стоит чиновник Чичагов! Ведь именно он сначала возражал против отправления экспедиции, а затем предложил нанять в команду англичан. Какой вздор! Я, как и он, безмерно восхищаюсь народом Англии, но, зная преимущественные свойства российских, коих даже и английским предпочитаю, совету сему последовать не согласен", не стоит забывать и об огромной духовной значимости этого события для нашего народа! Мне удалось получить разрешение самому укомплектовать команду, в которой в итоге оказались только русские военные моряки, каждого из которых я отбирал (или знал) лично.

К счастью, несмотря на все трудности и разногласия, экспедиция всё же состоится, и я с нетерпением жду отплытия. Помимо перспектив политических, я также ожидаю от плавания научных открытий: при подготовке экспедиции граф Румянцев предложил отыскать острова, которые голландские мореплаватели видели к востоку от Японии, и теперь это стало одной из целей путешествия. Мне удалось собрать факультет, состоящий из учёных самых разных областей естествознания - все они присоединятся к нам в Копенгагене. На «Надежду» (так называется наш фрегат) даже погрузили библиотеку, в которой можно найти и моё скромное книжное собрание.

Безусловно, принятие на борт дополнительной нагрузки в виде экипажа и приборов значительно усложнит наше пребывание на корабле, но я считаю, что это необходимо.

"Одна только лестная надежда, что важное предприятие совершено будет счастливо, что я некоторым образом участвовать буду в распространении славы моего отечества... – ободряли сокрушенный дух мой, ...и восстанавливали душевное мое спокойствие. Сейчас мы должны думать не о себе, а о бескрайних возможностях, которые встретятся в нашем путешествии. Следующая моя запись будет уже в день отправления, и очень надеюсь, к этому времени стихия утихнет.

19 августа 1806 г.

Это последняя запись в моем дневнике. Только что мы бросили якорь в Кронштадте. Наконец наше длительное путешествие подошло к концу. Не передать словами все неудобства, которые приходилось терпеть, как и нельзя описать мой теперешний восторг! Наша экспедиция принесла колоссальные географические и океанологические знания, пусть и потерпела некоторый политический провал.

Наладить торговлю со странами Востока не получилось: дипломатическая миссия в Японию была отвергнута почти сразу, а из Китая мы едва сумели выбраться – и виной всему Резанов. Ещё перед экспедицией я упоминал, что у нас не получится найти общий язык – так оно и вышло! Его странные выходки и вечное высокомерие так и не позволили нам ужиться.

К концу плавания я окончательно убедился в правильности подбора экипажа. Матросы были стойкими, с неугасаемым оптимизмом выносили все тяготы плавания. Я был крайне удивлён, что ни единый матрос не пожаловался на жару даже тогда, когда мы впервые пересекли экватор! Да что жара, разве не была испытанием жуткая теснота и вечная солонина? Но, надо признаться, солонина была отменная, хотя порядком надоела.

Мы старались выжать как можно больше из того научного оборудования, которое взяли с собой, и мне кажется, нам это удалось. Теперь, сойдя на берег, я собираюсь незамедлительно приступить к работе над описанием нашего плавания.

Не могу не почтить память героически погибших при штурме Ситки матросов Павлова, Иванова и Сергеева. Благодаря их подвигу Россия наконец укрепила свои позиции в Русской Америке.

За последние три года я совершенно истосковался по дому. После аудиенции с Императором я скорейшим образом отправлюсь домой. На острове Нуку-Хива местные накололи мне имя жены на руку. Такое развлечение я вижу впервые, но мне кажется, это очень помогло мне избежать приступов меланхолии. Меньше же повезло лейтенанту Головачёву, который по неизвестным нам причинам покончил с собой. Бедняга оставил после себя письмо для Императора, и я передам его по назначению в ближайшее время.

Итак, на этом я заканчиваю свой дневник. 1109 дней длилась история, начало которой я положил долгих 7 лет назад. Сегодня наше Отечество гордится каждым матросом, вернувшимся из этого плавания, и я счастлив, что именно мне выпала честь заниматься организацией первого русского кругосветного путешествия.